

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.1

EDN: YQCUWR

Героям здесь не место: культура современных войн

Ссылка для цитирования:

Куманьков А.Д. Героям здесь не место: культура современных войн // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 11–21. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.1>
EDN: YQCUWR

For citation:

Kumankov A. D. (2025) No Country for Heroes: Culture of Contemporary Wars. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 11–21. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.1>

Куманьков Арсений Дмитриевич

Университет Майнца им. Иоганна Гутенберга,
Майнц, Германия

E-mail: kumankoa@uni-mainz.de

Статья посвящена эволюции феномена войны в контексте политических и социокультурных трансформаций последнего столетия. Взяв в качестве базовой модели концепцию Карла фон Клаузевица, автор прослеживает переход от регулярных межгосударственных войн XVIII–XIX веков, характеризовавшихся симметричностью и регулярностью, к современным конфликтам, отличающимся асимметричностью. Особое внимание уделено изменениям после Второй мировой войны, связанным с ростом значимости международного права, демократизацией западных обществ и появлением оружия массового поражения. Эти факторы, соотнесенные с повышением уровня жизни в развитых государствах, способствовали делегитимации войн как инструмента политики и породили феномен «постгероических» обществ, где индивидуальная жизнь ценится выше коллективистских идеалов. Вместе с тем эра ядерного сдерживания способствовала развитию прокси-конфликтов, в которых активное участие принимают негосударственные субъекты. На примере войны в Афганистане (2001–2021) автор демонстрирует характерные черты современных войн: размывание границ между гражданскими и военными объектами, сложность достижения

победы, а также растущую этическую ответственность за последствия военных операций. В статье фиксируются вызовы, которые современные войны ставят перед международным сообществом, включая разрушение инфраструктуры, дестабилизацию регионов и массовую миграцию. Автор поднимает вопрос о моральной ответственности государств за судьбу вовлеченных в конфликт граждан, критикуя циничный подход, при котором война сводится к минимизации стратегических рисков, а гуманитарные ее аспекты игнорируются. В результате автор подчеркивает, что современные конфликты редко завершаются традиционным образом — подписанием мирного договора, так как иррегулярные силы часто стремятся продлить войну ради извлечения выгоды, в то время как конвенциональные политические акторы не могут завершить войну исключительно на поле боя.

Ключевые слова: война; насилие; герой; победа; поражение; мир; государство; оружие массового поражения

Введение

Как и тысячелетия назад, война остается в сущности своей неизменной. Она представляет собой убийство, насилие и травмы, физические и социальные, остающиеся на десятилетия. Все также сильна власть войны над человеком, плененным насилием. Гомеровское: «Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала, Чем на судах возвращенье в любезную землю родную», — чрезвычайно точно фиксирует парадоксальную привлекательность войны. Несмотря на разрушительные и антигуманные последствия вооруженных конфликтов, люди продолжают приписывать войне наивысшую ценность, представляя ее как значимый и необходимый опыт, способный придать жизни глубокий смысл.

Вероятно, наиболее популярное определение войны принадлежит Карлу фон Клаузевицу, который писал о ней как о продолжении политики другими средствами. Он же предложил и более строгую дефиницию. Война для прусского генерала — это «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц, 2007: 20]. Есть формальные определения войны: 1000 человек, погибших в год. В современных социальных и политических исследованиях под войной обычно понимают вооруженный конфликт, при условии, что в течение одного календарного года не менее 1000 человек становятся жертвами боевых действий (см. соответствующие разъяснения по этому вопросу Петера Валленштеена, многолетнего руководителя Уппсальской программы данных о конфликтах (Uppsala Conflict Data Program) [Валленштеен, 2009: 21–22].

Будучи постоянной спутницей человеческих сообществ, война, однако, как «подлинный хамелеон» (еще одно определение Клаузевица), постоянно меняется по мере развития технологий и военного искусства. Кроме того,

обновляется и культура войны — все, что связано с социальным значением войны, общественным ее восприятием, способами обоснования или основными линиями критики.

Старая добрая война

Дискуссия о современных войнах обычно подразумевает вооруженные конфликты, которые ведутся после окончания холодной войны. В то же время они вписываются в более продолжительный период войн после 1945 года. Считается, что до этого времени доминирующим типом войны была регулярная межгосударственная война. Ее описание мы найдем в работах классических теоретиков, таких как Карл фон Клаузевиц [Клаузевиц, 2007] или Антуан Анри Жомини [Жомини, 1939]. Место этого типа войны в конце XX века занимает иной феномен. Предложено множество различных терминов для его обозначения: новые войны [Калдор, 2015], постмодернистские войны [Gray, 1997], войны третьего типа [Holsti, 1996], войны четвертого, пятого или нового поколения [Lind et al., 1989], негражданские войны [Snow, 1996]. Исследователи, осмысляющие эволюцию войн с использованием подобных категорий, как правило, противопоставляют современные практики войнам «клаузевицеанского» типа, с кратко́го представления которых и следует начать.

Клаузевиц в основном своем труде «О войне» описывает вооруженные конфликты XVIII–XIX столетий, обращая внимание не только на стратегию, но и на социально-политические характеристики войн своего времени. В данный период европейская политика определяется укреплением институциональной структуры государства модерна. Государство выстроило систему управления социальными и политическими процессами, централизовав их и монополизировав администрирование ими. Среди прочего это позволило государству получить исключительное право на ведение войны, используя для этого регулярную армию, которая все больше стандартизируется и унифицируется. Основным военным противником в это время является другое государство, а не религиозные организации или отдельные субъекты. В этом смысле война становится симметричной (вне зависимости от размера территории, численности армии, экономического состояния государства взаимно признавали друг друга как равные по статусу структуры) и регулярной. Последнее означает четкое разграничение между участниками боевых действий и гражданскими лицами, а также однозначность стадий мира и непосредственно войны. Такая война ведется согласно правилам и обычаям. Во всяком случае, предполагается их наличие и понимание обеими сторонами конфликта.

Причиной справедливой войны признается агрессия, будь то явная (например, отражение нападения) или скрытая (в случае значительной угрозы со стороны другого государства). Целью таких войн становится установление нового равновесия сил или возвращение к статус-кво. Они представляют собой серию военных операций, в ходе которых стороны стремятся победить противника через сражения и маневры. Завершается война заключением мирного

соглашения, после чего возможна нормализация отношений между бывшими противниками. Гегелевская «Философия права» содержит емкое описание войн эпохи модерна: «Вследствие того, что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, так же и в войне... сохраняется связь, в которой они значимы друг для друга как в себе и для себя сущие, так что в войне сама война определена как нечто должествующее быть преходящим... Поэтому войны новейшего времени ведутся гуманно и люди не испытывают ненависти по отношению друг к другу» [Гегель, 1990: 368]. Обратим внимание на вывод о гуманизации войны ввиду взаимного признания (симметричности) сторон и ее политического фреймирования, заменившего религиозное, которое, по мысли Гегеля и многих исследователей, провоцировало большую степень ожесточения и высокий уровень потерь.

Мировые, тотальные войны XX столетия следует также рассматривать как вариацию регулярных войн или абсолютизацию некоторых их принципов. Однако существенным отличием является потенциальное отсутствие в тотальных войнах каких-либо ограничений и, как следствие, разрушение границы между гражданской и военной сферами. Один из первых теоретиков тотальной войны Эрих Людендорф так характеризовал этот феномен: «Персональные и материальные силы отечества должны... быть до крайности напряжены и предоставлены для ведения войны [...] Народные и боевые силы так тесно внутренне переплелись между собой, что стали нераздельными. Боеспособность частей на фронте была в тесной зависимости от боеспособности народа внутри страны» [Людендорф, 2023: 7–8]. В результате вся нация оказывается мобилизованной, пусть даже и косвенным образом, когда гражданин не направляется в войска, но тем не менее его работа содействует ведению войны. Сама же война перестает быть продолжением политики, подчиняя себе все сферы жизни, в том числе и политику.

К новым войнам

Окончание Второй мировой войны ознаменовало начало новой эпохи в практике ведения войн. По совокупности причин великие державы стали воздерживаться от прямого столкновения друг с другом. Можно отметить в данном случае и развитие системы международного права и надгосударственных международных институтов, и проведение суда над поверженными агрессорами, ответственными за множественные военные преступления и преступления против человечности. Но, как представляется, куда большим значением обладают два фактора: во-первых, социально-экономическое развитие стран глобального Севера/Запада, во-вторых, появление оружия массового поражения (или уничтожения).

В середине XX столетия западные общества, т.е. население основных великих держав прошлого, претерпели существенную ценностную трансформацию, вызванную высоким уровнем экономического развития и демократизации этих обществ. Традиционные представления о героизме, самопожертвовании

во имя нации или идеологии, применении насилия в отношении соседних стран утратили свое бывшее значение. Ценность индивидуальной частной жизни начала восприниматься выше, чем ценность коллективистских идеалов. В то же время гражданам этих стран стала доступна возможность прожить жизнь благополучно, комфортно и достойно, не служа в армии и не участвуя в боевых действиях, а значит, не подвергая себя рискам и страданиям. В результате эти общества, названные американским военным теоретиком Эдвардом Люттваком «постгероическими», возможно, не стали более критичными по отношению к войне как таковой [Люттвак, 2021]. Но значительно сократилось число людей, готовых заниматься военной службой. Война при этом теряла легитимность как инструмент политики, будучи запрещенной на уровне международного права и риторики международных организаций. Другим эффектом дегероизации стала повышенная чувствительность к насилию в отношении членов этих обществ и жертвам среди них, будь то военные или гражданские лица (жертвы террористических атак).

Второй из отмеченных факторов — появление и дальнейшее развитие оружия массового поражения, по всей видимости, оказался наиболее значимым (это подтверждается постоянными угрозами и дискуссиями об опасностях применения ядерного оружия в ходе текущего конфликта России и Запада). Оружие массового поражения существенным образом изменило как военную стратегию, так и динамику международных отношений. Став ключевым элементом доктрины взаимного гарантированного уничтожения, оно заставило ведущие державы (обладавшие теперь не только развитыми экономиками или политическими амбициями, но и ядерными арсеналами) отказаться от прямых крупномасштабных вооруженных столкновений. Ядерное сдерживание, таким образом, предотвратило войну между социалистическим и капиталистическими блоками, «охладив» ее¹. Однако опыт холодной войны показывает, что войны как таковые не исчезли, но были переформатированы. Вместо объявления войн друг другу развитые государства стали активно вовлекаться в опосредованные (прокси) войны и использовать силу косвенным образом. Между собой при этом они могли заключать договоры о нераспространении или запрещении тех или иных видов оружия массового поражения. В результате значительная часть современных конфликтов оказались асимметричными² и вместе с тем глобализированными.

Государства как будто бы потеряли право и желание участвовать в войнах в том смысле, в каком они делали это в прошлом. Хотя США, Франция, Великобритания или СССР/Россия продолжали вести войны, они, как правило, представляли их в качестве ограниченных и не вполне военных операций. Отсюда многообразие форм для обозначения этих войн — оказание военной помощи, контртеррористическая операция, принуждение к миру, специальная

¹ О роли ядерного сдерживания см. [Powell, 1990]. Развернутая критика ядерного сдерживания и сохранения ядерных арсеналов представлена в [Wilson, 2008]. Об угрозах современной ядерной эскалации см. [Барановский и др., 2022].

² См. данные о количестве конфликтов разных типов на сайте Уппсальской программы данных о конфликтах. URL: <https://ucdp.uu.se/> (дата обращения: 13.01.2025).

военная операция. Война при этом становится задачей не армий, а военных советников или ограниченных контингентов. В этих условиях свободу участия в боевых действиях получают негосударственные субъекты, разрушающие столь ценную для государств модерна монополию на применение военной силы.

Асимметрия современных войн проявляется не только в вовлечении в конфликт негосударственных субъектов и иррегулярных сил, но также в применении гибридных методов ведения боевых действий и зачастую в отсутствии стратегического уровня управления, когда границы между гражданскими и военными целями оказываются размыты. Участие в войнах иррегулярных частей представляет собой существенную проблему, так как множественность центров сил и принятия решений делает конфликт хаотичным и трудноуправляемым, не позволяя нанести поражение одной конкретной армии или прийти к соглашению с военным или политическим лидером. В условиях множественности акторов уничтожение или примирение с одной из групп не означает окончания конфликта и принуждения противника к необходимости «выполнить нашу волю».

Другой стороной проблемы становится частое злоупотребление принципом различия между гражданскими и военными лицами и объектами. В каких-то случаях преднамеренный удар по гражданским целям является сознательно избранной тактикой (обычно использование ее считается террористической атакой). Однако гражданские лица становятся жертвами войны и безотносительно военной целесообразности. Повстанческие движения и преступные сети, участвующие в войнах, нередко ведут боевые действия без политических или идеологических целей, превращая войну в предприятие. Мэри Калдор называет подобную стратегию хищнической. Насилие используется не для решения военных задач, но как инструмент контроля над населением и извлечения ренты [Калдор, 2015: 128] (см. также [Мюнклер, 2018: 200]).

Я хотел бы указать на два значимых следствия из обозначенной трансформации войны — значение моральной составляющей и низкую вероятность достижения победы.

Постепенная делегитимация войны подразумевает возрастание ответственности за широкий спектр последствий военных операций (речь может идти как о непосредственно тактических последствиях, так и о политических, социальных, экономических, экологических, культурных) и за их влияние на судьбы вовлеченных в них военных и гражданских лиц. Этическая составляющая современной войны значительно усиливается. Если столетие назад война была способом обосновать свое присутствие в клубе великих держав, а правительства использовали своих граждан для решения этой задачи, мобилизуя их для участия в колониальных баталиях и мировых войнах, то сейчас великая держава может позволить себе лишь непродолжительные и победоносные войны, что означает столкновение с небольшими регулярными армиями, как это было, например, во время операции НАТО против Югославии в 1999 году. Масштабная военная кампания неизбежно приводит к умножению ее участников, вовлечению в нее различных иррегулярных

групп, что, в свою очередь, делает конфликт затяжным и дестабилизирует не только зону боевых действий, но и весь регион вследствие массовой миграции и разрушения местной инфраструктуры. Правительство, вступающее в войну, обязано будет объяснить, кто и почему должен в ней участвовать, каков допустимый уровень насилия и чем должна закончиться война. Западные постгероические общества, опаленные катастрофами мировых войн XX века, ценящие высокий уровень жизни и саму ценность индивидуальной жизни, не могут довольствоваться объяснениями о необходимости использования армий для балансирования сил и реализации национальных интересов в духе Realpolitik.

Кейс: Афганистан (2001–2021)

Показателен пример войны в Афганистане 2001–2021 годов, которая начиналась как кампания, нацеленная на решение высоких задач обеспечения международного мира и безопасности. Ее итогом должно было стать предание суду террористов, ответственных за планирование и осуществление атак на США 11 сентября 2001 года. Эта война объявлялась борьбой с мировым злом за свободу американского народа и всего человечества, угрозой которым выступал поддерживавший терроризм режим талибов. Операцию в целом положительно оценивало мировое сообщество, в том числе и Россия. Ряд стран поддерживали военные усилия США. Однако затяжной характер войны и способы ее ведения через какое-то время заставили усомниться в том, что кампания ведется должным образом и что она может быть успешно завершена.

Нерешенной осталась и ключевая задача военной кампании — довести ее до победы. Изначальным успехом было свержение режима талибов при задействовании относительно немногочисленных сил в конце 2001 года. После этого война часто объявлялась близкой к окончанию или даже завершённой. Президенты США сменяли друг друга и говорили о достигнутом прогрессе. Но война все продолжалась. И связано это не только со стремлением политиков исказить реальность, но с искажением самой реальности войны. Современная война перестала быть регулярной межгосударственной войной. То, что в прошлом приносило победу при столкновении регулярных армий, не срабатывает в новых войнах. Занятие территорий и лишение противника политической власти в традиционном ее понимании не означает больше достижения победы. Современная война не может сводиться к череде наступательных или оборонительных операций, посредством которых противник будет принужден к заключению мирного договора, ставящего точку в конфликте. Иными словами, современная война перестает быть войной в привычном смысле этого слова: вовлеченные в нее иррегулярные военные формирования под управлением полевых командиров не заинтересованы в том, чтобы содействовать окончанию конфликта. Продление кампании выгодно для них, поскольку обеспечивает им власть и независимое положение, а также позволяет вести хищническую экономику (торговать ископаемыми и ценностями

на черном рынке, заниматься рэкетом и наркоторговлей, похищать людей, перепродавать гуманитарную помощь). Выбор в пользу преимущественно военных средств в кампании в Афганистане, по сути, предопределил невозможность США и их союзников завершить войну победой.

Неслучайно Мэри Калдор — один из главных теоретиков новых войн — отозвалась на падение Кабула колонкой в *The Guardian*, озаглавив ее: «Главный урок Афганистана — „война с терроризмом“ — не работает»³. Диагноз Калдор точен: основу стратегии США составляло проведение боевых операций против бойцов и лидеров Аль-Каиды, Талибана и Исламского государства⁴, но анти-террористические рейды спровоцировали рост симпатии к антиправительственным силам. Американские военные нередко воспринимались местным населением, пострадавшим от войны, как агрессоры и, отметим присвоение западного языка войны, террористы: «Каждый обыск в доме, который проводят американцы, — это удар по мирному процессу. Они заходят в наши дома, нарушая наше личное пространство и терроризируя наших детей. Мы никогда им не простим этого» [Каиро, 2011: 291–303]. Правительственные же войска зачастую комплектовались из представителей полукриминальных группировок, которые участвовали в боях еще с 1980-х годов и поэтому были не готовы к подчинению централизованной системе управления. Такая полуавтономность создавала угрозы для населения. Все это не способствовало укреплению авторитета и легитимности местной власти и предопределяло затяжной характер кампании.

Но самое важное, что становится заметным в ходе американского военного присутствия в Афганистане: современная война — это ответственность за судьбу региона и его населения. Откровенно циничны в этом отношении заявления уже бывшего президента США Джо Байдена, будто у США не было миссии заниматься государственным строительством в Афганистане, целью было лишь найти и наказать тех, кто напал на Америку 11 сентября, и не допустить использование Афганистана в качестве базы для террористических группировок. Люди, срывающиеся с вылетающих из кабульского аэропорта самолетов, — образ, который закольцовывает историю. Эта трагедия напоминает о людях, бросавшихся из окон горящего и рушащегося Всемирного торгового центра. Бесславный вывод войск, оказавшийся поражением и на моральном поле битвы.

События в Афганистане демонстрируют нам, каким может быть типичный военный конфликт в XXI веке, когда государства опасаются открытых столкновений друг с другом, но ведут прокси-войны либо борются с негосударственными субъектами на территории какого-либо государства. Современная масштабная война — это с большой долей вероятности путь к поражению, развалу государства или даже целого региона, поражению как в военном,

³ Kaldor M. (2021) The Main Lesson from Afghanistan is That the “War on Terror” Does Not Work. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/24/lesson-afghanistan-war-on-terror-not-work> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Все названные организации признаны террористическими и запрещены в Российской Федерации.

так и в политическом и моральном смысле. Это не означает, что желательным было бы возвращение к «старым добрым» войнам регулярного типа с тотальной мобилизацией, разрушением целых стран и многомиллионными жертвами. Но от людей, принимающих решение о применении военной силы, явно требуется более ответственное отношение к войне и международной безопасности. Война в Афганистане, начатая США и союзниками для борьбы с терроризмом, в результате которой возникает угроза свободе, здоровью и жизни сотен тысяч человек, сама становится террористической и ведет к поражению.

Литература / References

- Каиро А. 30 лет в Афганистане. Фотоотчет Альберто Каиро (фото из архива МККК) // Международный журнал Красного Креста. 2011. С. 291–303.
- Kairo A. (2011) 30 Years in Afghanistan. ICRC Photo Archives Account by Alberto Cairo. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta* [International Review of the Red Cross]. P. 291–303. (In Russ.)
- Барановский В. Г., Бужинский Е. П., Загорский А. В., Никитин А. И., Ознобищев С. К. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу» // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 114–134. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09> EDN: BKFFGS
- Baranovsky V. G., Buzhinsky E. P., Zagorsky A. V., Nikitin A. I., Oznobishchev S. K. (2022) Avoiding Nuclear War. Problems of Escalation/De-Escalation of Armed Conflicts When Approaching The “Nuclear Threshold”. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6. P. 114–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Валленштеен П. Интервью // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873. С. 21–22.
- Wallensteen P. (2009) Interview. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta* [International Review of the Red Cross]. Vol. 91. No. 873. P. 21–22. (In Russ.)
- Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990.
- Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Transl. from Germ. by B. G. Stolpner, M. I. Levina. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Жомини Г. Очерки военного искусства. М.: Воениздат, 1939.
- Jomini H. (1939) *Ocherki voennogo iskusstva* [The Art of War]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
- Калдор М. Новые и старые войны / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Kaldor M. (2015) *Novye i starye voyny* [New and Old Wars]. Transl. from Eng. by A. Appolonov, M. Dondukovskij. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara. (In Russ.)
- Клаузевиц К. фон. О войне / Пер. с нем. А. К. Рачинского. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
- Clausewitz C. fon (2007) *O vojne* [On War]. Transl. from Germ. by A. K. Rachinskij. Moscow: Eksmo; SPb.: Midgard. (In Russ.)
- Людендорф Э. Тотальная война. Выход из позиционного тупика. М.: Яуза-пресс, 2023.
- Ludendorff E. (2023) *Totalnaya vojna. Vykhod iz pozitsionnogo tupika* [The Total War. Breaking the Positional Deadlock]. Moscow: Yauza-press. (In Russ.)
- Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М.: Издательство АСТ, 2021.
- Luttwak E. (2021) *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Izdatelstvo AST. (In Russ.)
- Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018.

- Münkler H. (2018) *Oskolki voyny: Evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [War Splitters: The Evolution of Violence in the XX and XXI centuries]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Gray C. H. (1997) *Postmodern War: The New Politics of Conflict*. New York: Guilford Press.
- Holsti K. (1996) *The State, War and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press.
DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628306>
- Lind W. S., Nightengale K., Schmitt J. F., Sutton J. W., Wilson G. I. (1989) The Changing Face of War: Into the Fourth Generation. *Marine Corps Gazette*. Vol. 73. No. 10. P. 22–26.
- Powell R. (1990) *Nuclear Deterrence Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Snow D. (1996) *Uncivil Wars: International Security and the New Internal Conflicts*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Wilson W. (2008) The Myth of Nuclear Deterrence. *The Nonproliferation Review*. Vol. 15. No. 3. P. 421–439. DOI: <https://doi.org/10.1080/10736700802407101>

Сведения об авторе:

Куманьков Арсений Дмитриевич — кандидат философских наук, исследователь, Университет Майнца им. Иоганна Гутенберга, Майнц, Германия.
E-mail: kumankoa@uni-mainz.de. **РИНЦ Author ID:** 819095; **ORCID ID:** 0000-0002-8951-4707; **ResearcherID:** I-8518-2015.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2024
Принята к публикации: 23.02.2025

.....

No Country for Heroes: Culture of Contemporary Wars

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.1

Arseniy D. Kumankov Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany
E-mail: kumankoa@uni-mainz.de

The article explores the evolution of the phenomenon of war in the context of political and sociocultural transformations over the past century. Using Carl von Clausewitz's concept as a foundational model, the author traces the transition from the symmetric and regular interstate wars of the 18th and 19th centuries to contemporary conflicts marked by asymmetry. Particular attention is paid to changes after World War II, including the growing importance of international law, the democratization of Western societies, and the advent of weapons of mass destruction. These factors, combined with rising living standards in developed countries, contributed to the delegitimization of war as a political tool and gave rise to "post-heroic" societies, where individual life is valued above collectivist ideals.

At the same time, the nuclear deterrence era fostered the development of proxy conflicts, actively involving non-state actors. Using the example of the war in Afghanistan (2001–2021), the author highlights key features of modern warfare: the blurring of boundaries between civilian and military targets, the difficulty of achieving decisive victories, and the growing ethical responsibility for the consequences of military operations. The article identifies challenges posed by contemporary wars to the international community, including infrastructure destruction, regional destabilization, and mass migration.

The author raises the issue of states' moral responsibility for the fate of civilians caught in conflicts, criticizing the cynical approach that reduces war to minimizing strategic risks while ignoring its humanitarian dimensions. The author concludes by emphasizing that modern conflicts rarely end traditionally with the signing of peace treaties, as irregular forces often seek to prolong wars for profit, while conventional political actors find it impossible to resolve conflicts solely on the battlefield.

Keywords: war, violence, hero, victory, defeat, peace, state, weapon of mass destruction

Author Bio:

Arseniy D. Kumankov — Candidate of Philosophy, Researcher, Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany. **E-mail:** kumankoa@uni-mainz.de. **RSCI Author ID:** 819095; **ORCID ID:** 0000-0002-8951-4707; **ResearcherID:** I-8518-2015.

Received: 13.12.2024

Accepted: 23.02.2025